

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

**ОНИМЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ
СТАРΟΣЛАВЯНСКОЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ)**

АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ
РАБОТЫ БАКАЛАВРА

студента 4 курса 441 группы

Направление подготовки – 45.03.03

Фундаментальная и прикладная лингвистика

Института филологии и журналистики

АФАНАСЬЕВА ИЛЬИ АНДРЕЕВИЧА

Научный руководитель

доктор филол. наук, профессор _____ О.Ю. Крючкова

Зав. кафедрой

доктор филол. наук, профессор _____ О.Ю. Крючкова

Саратов

2019

Введение. Актуальность работы обусловлена в первую очередь актуальностью исследования концептуальной оппозиции «свой – чужой» в целом. Исследователи указывают на то, что «исчерпывающего семантического описания» оппозиция не получила, несмотря на потенциал к образованию «совершенно новых семантических структур» [Судакова, 2005, с. 1]. Некоторые в своих утверждениях ещё более радикальны: «Не решено большинство самых принципиальных вопросов» [Серебренникова, 2005, с. 4].

Деление мира на «своих» и «чужих» – одно из самых древних в природе. Сам «процесс восприятия и понимания мира человеком базируется на одной из древнейших и важнейших операций деления универсума на «Своё» и «Чужое»» [Лаптева, 2016, с. 6].

Исследователи включают концептуальную оппозицию «свой – чужой» в число амбивалентных бинарных ментальных образований [Кислякова, Соломина, 2011, с.73], базовых для человека, наряду с такими как «область живых – область мёртвых, мир людей – мир богов, человеческое – нечеловеческое, принадлежащее культуре – принадлежащее природе, освоенное – неосвоенное, мужское – женское» [Лаптева, 2016, с. 16].

Древность и архетипичность концептуальной оппозиции «свой – чужой» влечёт за собой значимое следствие: «язык располагает и предлагает говорящему многообразный выбор различных разноуровневых средств (...) для обозначения оппозиции «свой – чужой», категорий свойственности и чуждости» [Богомазова, 2015, с. 41–42]. Концептуальная оппозиция «свой – чужой» требует разностороннего и обширного изучения. Наше исследование будет посвящено только одному из «языковых средств, которые её объективируют» – номинативному полю, совокупности лексических единиц, через которую определённое когнитивное явление репрезентируется в языке. Важность исследования подчёркивается лингвокультурологами: «Все лексические единицы, репрезентирующие семантику «свойственности» – «чуждости» являются культурно значимыми, так как само описываемое

значение представляет собой кумуляцию культурного опыта говорящего коллектива» [Серебренникова, 2005, с. 11].

Новизна исследования обеспечивается малым количеством исследований концептуальной оппозиции «свой – чужой» в старославянском и церковнославянском языках. Группы онимов как отдельная часть *nomina collectiva* на данный момент также исследованы не совсем подробно на материале старославянских и церковнославянских памятников.

Объектом нашего исследования являются онимы и дериваты от них как репрезентанты концептуальной оппозиции «свой – чужой» в старославянском и церковнославянском языках.

Источниками исследования стали «Старославянский словарь» под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой, а также церковнославянский раздел исторического подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Исследовательская выборка представляет собой массив из 89 лексем старославянского языка, 117 лексем церковнославянского языка, взятых в контекстах из Национального корпуса русского языка.

Целью работы являлось изучение концептуального потенциала онимов древних славянских текстов (старославянских и церковнославянских), их участия в выражении концептуальных значений «свой – чужой».

Для достижения данной цели предстояло решить ряд задач.

- Охарактеризовать с теоретической точки зрения текущее состояние изучения концептуальной оппозиции «свой–чужой» на терминологическом и сущностном уровнях.
- Охарактеризовать с теоретической точки зрения текущее состояние изучения онимов, репрезентирующих концептуальную оппозицию «свой–чужой»
- Составить предварительную выборку онимов по «Старославянскому словарю» Р.М. Цейтлин; в ходе этого процесса происходило обнаружение максимального числа слов с семантикой «свойственности» – «чуждости» [Серебренникова, 2005, с. 5].

- На основе контекстуального анализа отобрать контекстуальным методом онимы, в которых репрезентируется семантика «свой – чужой».
- Провести дальнейший семантический анализ через разделение группы на ряд более узких по значению подгрупп и формирование её семантического образа – совокупности частей реального мира, обозначаемых ей.
- Провести количественный анализ группы.
- Повторить четыре предыдущих шага для церковнославянского языка
- Сопоставить результаты исследования старославянского и церковнославянского материала
- Сделать выводы и обозначить перспективы дальнейшего исследования.

В данной работе использовались методы контекстуального и количественного анализа.

Структура выпускной квалификационной работы бакалавра: работа бакалавра состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений.

Основное содержание работы. **Первая глава** «Концептуальная оппозиция» «свой – чужой» в современной лингвистике» посвящена теоретическим основам исследования онимов как репрезентантов концептуальной оппозиции «свой – чужой». Глава состоит из трёх подразделов: «Общие проблемы изучения концептуальной оппозиции «свой – чужой» в современной лингвистике», «Изучение онимов как репрезентантов концептуальной оппозиции «свой–чужой»», «Выводы».

В первой главе проводится предварительное обзорное исследование работ по концептуальной оппозиции «свой–чужой» в современной лингвистике. Приблизительно обозначаются границы этой сущности. Устанавливается с точки зрения философии мир, в котором она находится. Дается краткая её характеристика с языковой точки зрения. Устанавливаются социальные границы её распространения – всё человечество, и деления восприятия – отдельный социум в определённый период времени,

объединённый единой культурой, оперирующий одним языком. Изменение одного из этих параметров повлечёт за собой изменение структуры описываемого восприятия концептуальной оппозиции «свой – чужой». Этим и обусловлена специфика прежних её исследований, касающихся преимущественно её вариантов в разных дискурсах, периодах времени или языках. Отмечается последнее диахроническое изменение концептуальной оппозиции «свой – чужой» – появление внутри неё компонента «иной».

Также в первой главе рассматриваются проблемы лингвистического изучения онимов на данный момент. Выделяются ключевые типы онимов, репрезентирующие концептуальную оппозицию «свой–чужой» в языках: имена людей, этнонимы, ойконимы, топонимы. Устанавливается, что наиболее важными вопросами при изучении онимов являются их динамика на протяжении существования языка, а также изменения структуры.

В конце первой главы даётся определение термину «концептуальная оппозиция «свой–чужой»:

Концептуальная оппозиция «свой–чужой» – определяемое на интуитивном уровне носителем языка в результате выполнения человеческим мозгом не наблюдаемых непосредственно, но проявляющихся через речевые манифестации действий противопоставления по признаку «свой–чужой», которое существует только при наличии в языке не менее двух значений, способных его образовать, каждое из которых не существует без другого, не наблюдаемое исследователем непосредственно, но изучаемое через его выражение средствами языка.

Вторая глава «Концептуальная оппозиция «свой – чужой» в онимическом пространстве старославянской и церковнославянской письменности» посвящена анализу онимической лексики старославянского и церковнославянского языков. Глава состоит из четырёх подразделов: «Анализ материала старославянского языка», «Анализ материала церковнославянского языка», «Сравнительный анализ», «Выводы».

Во второй главе на первом этапе проводится исследование концептуальной оппозиции «свой – чужой» на материале онимов старославянского языка. На втором этапе по корням, извлечённым из слов выборки старославянского языка, из материала Национального корпуса русского языка извлекается 117 лексем церковнославянского языка.

Во второй главе вводится понятие *идентификационный контекст* – контекст, в котором наиболее отчётливо проявляется принадлежность слова тому или иному лексическому объединению, от тематической группы до семантического поля. Примером может являться следующий контекст: *и разрушии храмъ кадисѣмвѣ, ѡже бѣ въ храмъ гдѣни, идѣже женѣ прядѣху ризы кумѣру* ‘и разрушил храм кадисский, поскольку в нём, храме господнем, женщины пряли ризы для языческого бога’. Контекст является идентификационным для лексемы *кадисѣмвѣ* ‘кадисский’, поскольку именно в нём нечто кадисское интерпретируется как «чужое», поскольку в Кадисе поклоняются богу, чуждому христианской религии, а следовательно, и культуре, представленной в церковнославянском языке.

Также при анализе группы используется разделение лексем по критерию биграмм–зависимости (далее — биграмм-критерий). Биграмм-зависимость – характеристика контекстуальной встречаемости лексемы X как самостоятельного репрезентанта концептуальной оппозиции «свой–чужой». На данный момент мы определяем четыре главных типа биграмм-зависимости:

1. *Алеф* – лексема X репрезентирует концептуальную оппозицию «свой–чужой» самостоятельно (и синтаксически может являться главным словом в словосочетании, либо одним из верхних узлов синтаксического дерева). Примером служит лексема *срацини* ‘сарацины’, которое уже несёт в своей семантике значения «враг» и «чужой».

2. *Бет* – слово X, будучи единожды использованным для именовании сущности, «своей» или «чужой», приобретает в рамках текста возможность репрезентировать семантику «свой–чужой». К таким лексемам следует отнести номинации церковных территорий. Так, как только Моравы упоминается в

тексте как территория распространения христианства, она маркируется как «свой» элемент концептуальной оппозиции «свой – чужой» и с этого момента репрезентирует её в каждом следующем контексте. Помимо этого, лексемы из категории бет чаще всего синтаксически несамостоятельны в тех контекстах, в которых встречаются: *кнѣзюо фуртуонатиняну африкъскоумоу* ‘князю фуртуонатинянину африканскому’ [СС, 1994, с. 75]. Мы видим, что в данном случае исследуемая лексема *африкъскъ* ‘африканский’ согласовывается с лексемой *фуртуонатинянинъ* ‘фуртуонатинянин’; помимо этого, без более широкого, выходящего даже за пределы данного сочетания контекста, было бы совершенно непонятно, почему африканский означает «чужой». На враждебность к христианам указывает расширенный контекст из [Супр], в нём обнаруживается, что князь фуртуонатинянин африканский организовывал на них гонения.

3. *Шин* – слово входит в ряд относительно устойчивых синтагм, каждая из которых определяется как «свой» или «чужой» в зависимости от контекста, но всегда определяется в рамках концептуальной оппозиции «свой – чужой». К числу таких лексем следует отнести, например, *римляныни*. Существует несколько личностей с таким прозвищем, и в случае упоминания каждой из них нельзя сразу сказать, является ли личность «своей» или «чужой»: *Преподобныя матере наша меланіи римляныни/Преподобныя матере наша жэніи римляныни* ‘преподобной матери нашей Мелании Римлянки/преподобной матери нашей Ксении Римлянки’. В данном случае мы видим двух женщин, происходивших из Рима, каждая из которых является «своей». Однако сам факт наличия нескольких римлянок в корпусе указывает на потенциальную нестабильность дистрибуции лексемы, а следовательно, и на менее устойчивую репрезентацию ей концептуальной оппозиции «свой – чужой».

4. *Тав* – слово Х синтаксически полностью несамостоятельно и является составной частью фразеологического единства, прежде всего – имени человека. Будучи упомянутым один раз для именованья кого-то, кто для автора текста является «своим» или «чужим», лексемы группы тав не приобретают

постоянной на протяжении текстов возможности репрезентировать концептуальную оппозицию «свой–чужой». Они практически не могут быть употреблены отдельно от слова У, от которого синтаксически зависят, которое является главным во фразеологическом единстве. К группе тав относятся, к примеру, прозвища, такие как *магъдалыни* ‘магдалина’ в сочетании с именем *маріа* ‘мария’: *бъ же тоу мариѣ магъдалыни* [СС, 1994, с. 320].

Устанавливается, что «свой» мир характеризуется в основном по непосредственно географическим регионам. Как пример можно привести лексему *дамасковъ* ‘относящийся к Дамаску’ в контексте *(вѣ)тааг(о) ап(осто)ла ананиѣ еп(искоу)па дамаскова* ‘святого апостола Анания, епископа дамасского’ [СС, 1994, с. 83], где Дамаск маркируется как «своя» территория. «Чужой» маркируется по национальному признаку в зависимости от географического: *самарѣнинь* ‘самарянин’ [СС, 1994, с. 551], либо по личностным характеристикам обозначаемого онимом субъекта, *диаволь* ‘дьявол’ [СС, 1994, с. 188]. В целом в старославянских текстах «свои» и «чужие» определяются по отношению к последователю христианства, а не к славянским племенам в частности. «Своими» и «чужими» в старославянском могут быть отдельные люди (*магъдалыни* ‘магдалина’ [СС, 1994, с. 320]), места (*егепть* ‘Гет’ [СС, 1994, с. 207]), территории (*хоривь* ‘хорив’ [СС, 1994, с. 761]), религии (*фрѣгѣискъ* ‘фригийский’ [СС, 1994, с. 759]) и народы (*срацини* ‘сарацины’ [СС, 1994, с. 620]). Для церковнославянского языка этот круг расширяется до языков (*ханаанитскіи* ‘ханаанский’ [Привод. по НКРЯ]). «Свой» и «чужой» может быть назван отдельным словом (*ханаань* ‘ханаан’ [Привод. по НКРЯ]), а может – словосочетанием, в котором одно слово принадлежит группе онимов (*папа римскіи/римстїи* ‘папа римский’ [Привод. по НКРЯ]). Несмотря на в целом большое количество слов группы (по сравнению с, например, всего лишь двумя словами с корнем *-штоуждь-* в старославянском), их частотность низкая (зафиксировано 3 лексемы с частотностью употребления более 100 – это чуть больше 3% выборки), что

связано скорее с экстралингвистическими факторами и особенностями текстов старославянского и церковнославянского языков, нежели с самими словами.

Фиксируется, что данные по языкам в целом совпадают, что свидетельствует прежде всего о преемственности текстов, которые переводились или создавались на данных языках. Тем не менее зафиксированы важные различия.

Внутри корней в церковнославянском языке обнаружено разделение на корни с монолитной (*-ад-*) и варьирующейся (*-армен-*) семантикой свойственности – чуждости. Сами лексемы обнаружили значительно сложную структуру как с точки зрения репрезентации концептуальной оппозиции «свой – чужой», так и с точки зрения общей семантики. Обнаружено, что репрезентация концептуальной оппозиции «свой – чужой» словами группы в церковнославянском языке зависит от периода, о котором повествует текст. Наконец, по биграмм-критерию лексемы подразделяются на четыре подгруппы, в отличие от трёх в старославянском; преобладание группы бет показывает высокую степень зависимости семантики от контекста.

Заключение. В заключении подчёркивается, что исследование концептуальной значимости онимов, функционирующих в текстах старославянской и церковнославянской письменности, позволило установить их значительный концептуальный потенциал, а именно активное участие в репрезентации концептуальной оппозиции «свой – чужой».

Отмечается, что выявлены основные типы онимов, выражающие семантику свойственности – чуждости, а именно ойконимы, этнонимы, топонимы и имена/прозвища людей.

Устанавливается, что в группе преобладают имена регионов (49) и личностей (28), что может быть связано с тем, что национальности плохо различаются в рамках и «своего», и «чужого» миром, а по своей природе старославянские тексты – повествование об определённых героях. При этом следует обратить внимание, что среди этих двух групп преобладают те, что

связаны с религиозной тематикой – 27 и 28 соответственно. Имён для «своего» мира в целом почти столько же, сколь и для «чужого»: 43 к 46.

Подтверждается на совершенно новом материале гипотеза, выдвинутая в предыдущих исследованиях концептуальной оппозиции, о том, что «концептуальная оппозиция «свой–чужие» приобретает особую значимость и переносится на пространственные отношения, выражаясь в топонимах с прямым указанием на границы их жизненно важного пространства» [Сычалина, 2014, с. 202]; люди «очерчивают таким образом границы «своей» территории» [Сычалина, 2014, с. 204]. Квантитативные данные указывают на то, что несмотря на разнообразие сущностей, упоминается каждая из них достаточно редко. В целом показатель количества слов в группе высокий в рамках концептуальной оппозиции «свой – чужой», показатель частотности – средний.

Обработка контекстов оказалась протяжённым по времени процессом, который в силу своей монотонности допускал автоматизацию. При написании работы возникла необходимость написания программы, обладающей следующими функциями: унификация формы обработки лексемы и её контекстов, форматирование полученного результата средствами HTML-разметки, выдача полученного в документ с текстом работы. Результатом последовательной реализации данных функций стала программа *Word Processor Trial*, написанная с помощью интегрированной среды разработки *Microsoft Visual Studio 2017* на языке программирования *C#*. Текст программы на данный момент представлен в открытом репозитории [GitHub].

Отмечается, что для лексем церковнославянского языка были зафиксированы в целом схожие со старославянским языком закономерности, однако при этом наблюдается ряд существенных и достаточно важных различий.

Указывается на то, что диахроническая протяжённость церковнославянских текстов значительно больше, чем старославянских. В связи с этим выделяются три эпохи, о событиях которых повествуется в церковнославянских текстах, в которых лексемы репрезентировали

концептуальную оппозицию «свой – чужой», – иудейская, раннехристианская и постбиблейская, формирующие две частных группы – общебиблейская (иудейская и раннехристианская), постиудейская (раннехристианская и постбиблейская).

Также отмечается особенность церковнославянского языка в отличие от старославянского: при разделении лексем в нём по биграмм-критерию выделяется группа шин – репрезентация в рамках контекстов ряда устойчивых словосочетаний, в которые входит конкретная лексема.

В церковнославянском языке происходят значительное усложнение семантической структуры группы через превращение строго полярной оппозиции в континуум и пополнение группы новым значением, «чужой язык».

К перспективам исследования следует отнести продолжение изучения онимов на материале других языков, а именно древнерусского и современного русского. Помимо этого, работа над церковнославянским языком ещё не завершена. Предстоит расширить выборку до корней, не представленных в выборке по старославянскому языку. В ходе исследования также возникла необходимость создания полноценного корпуса старославянского языка для повышения эффективности работы с контекстами.

Список цитируемой литературы

1. СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес [и др.]; Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. — М.: Русский язык, 1994. — 842 с.
2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Эл.рес.: <http://ruscorpora.ru>
3. Богомазова В. В. Коммуникативная категория "чуждость" в судебном дискурсе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Богомазова Виктория Владимировна; [Место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]
4. Кислякова Е.Ю.; Соломина В.В. Концептуальная триада "свой – чужой – иной" в английском и русском языках: Теоретико-методологический аспект // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов, 2011. – N 3. – С. 72–76 .

5. *Лантева М. Л.* "Свое" и "чужое" в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики [Текст] : Москва : КНОРУС ; Астрахань : АГУ, ИД «Астраханский университет», 2016; Астрахань : Астраханский ун-т, 2016.
6. *Серебренникова А.Н.* Диалектное слово с семантикой "свойственности" – "чуждости": Лингвокультурологический аспект : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Том. гос. ун-т. – Томск: 2005. – 22 с.
7. *Сычалина Е.В.* Оппозиция "свой–чужой" в микропонимии поволжских немцев.//Филологические науки. Вопросы теории и практики. –Тамбов: Грамота, 2014. – № 7; в 2-х ч. Ч.І. – С. 202 – 205.
8. GitHub. Эл.рес.: https://github.com/The-One-Who-Speaks-and-Depicts/Context_Processor/